

ПРЕДЕЛЫ СВОБОДЫ СОВЕСТИ: ПРОБЛЕМЫ ЭТИКИ И ПРАВА

Кондакова Юлия Васильевна

*К.ф.н., профессор каф. социальных наук
Уральский государственный
архитектурно-художественный
университет, г. Екатеринбург*

THE LIMITS OF FREEDOM OF CONSCIENCE: THE PROBLEMS OF ETHICS AND LAW

Y. Kondakova

Annotation

It is necessary to categorically determine the legal distinction between the heterodox communities and totalitarian sects. Setting legal standards will establish realistic ways to protect society from the aggression of totalitarian sects, while creating a climate of toleration and understanding in the public attitude towards unorthodox movements, also protecting the Right of Freedom of Religion.

Keywords: law, tolerance, toleration, freedom of religion, sect, extremism.

Аннотация

Необходимо провести законодательное разграничение между неортодоксальными общинами и тоталитарными сектами, что позволит, с одной стороны, рассмотреть возможные пути защиты общества от агрессии тоталитарных сект, а с другой – создать в государстве условия формирования толерантной общественной позиции по отношению к неортодоксальным движениям.

Ключевые слова:

Право, толерантность, веротерпимость, свобода вероисповедания, секта, экстремизм.

Одной из самых значимых этических норм XXI века является веротерпимость. Соответствующий принцип закреплен как в Конституции Российской Федерации (ст. 28) [3], так и в ратифицированных Россией международных договорах (ст. 9 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г.) [4]. Как разъяснил при этом Конституционный Суд Российской Федерации в постановлении от 5 декабря 2012 г. N 30-П, право на свободу совести "не может ограничиваться исключительно пространством личной (частной) жизни, – получая свою реализацию во внешней сфере, в том числе в массовых коллективных формах, оно объективно приобретает и весьма существенное общественное значение" [5]. Данная позиция высшего органа конституционной юстиции России свидетельствует о том, что реализация права на свободу совести и вероисповедания должна коррелировать принципу баланса публичных и частных интересов. В этой связи представляется справедливым утверждение представителя германской политико-правовой мысли Р. Иеринга, по мнению которого "свобода – есть право делать все то, что не вредит людям" [12, 8].

Однако грани дозволенного и запрещенного зачастую является размытыми, в том числе и в связи с трансформацией общественных отношений, динамической природой социально-экономического базиса. В данном контексте применительно к теме настоящего исследования наиболее ярко проявляется проблема пределов свободы совести и вероисповедания.

Дело в том, что отношения, составляющие духовно-религиозную сферу общества, настолько специфичны, что пределы их допустимого правового регулирования достаточно ограничены. Так, в соответствии со ст. 1 Федерального закона от 26 сентября 1997 г. N 125-ФЗ "О свободе совести и о религиозных объединениях" предметом его регулирования выступают "правоотношения в области прав человека и гражданина на свободу совести и свободу вероисповедания, а также правовое положение религиозных объединений, в том числе особенности их гражданско-правового положения" [10]. При этом, в силу гл. IV данного Федерального закона, надзорно-контрольные отношения в данной сфере имеют своим предметом финансово-хозяйственную и административно-распорядительную деятельность религиозных объединений. Из вышеизложенного следует, что надзорные органы, согласно отраслевому законодательству, фактически не вправе вмешиваться в уставную деятельность религиозной организации, даже если таковая противоречит основам конституционного правопорядка.

В этой связи существенной проблемой современного демократического государства становится то, что нередко свобода совести оборачивается и свободой для тоталитарных сект. Понятие "тоталитарные секты" впервые было использовано в 1993 г. А.Л. Дворкиным, согласно определению которого, это "...особые авторитарные организации, лидеры которых, стремясь к власти над своими последователями и к их эксплуатации, скрывают свои намерения под религиозными, политико-религиозными,

психотерапевтическими, оздоровительными, образовательными, научно-познавательными, культурологическими и иными масками... нарушают право человека на свободный информированный выбор мировоззрения и образа жизни" 11, с. 44–45.

Примечательно, что законодательство России содержание категории "тоталитарная секта" не раскрывает. Так, Федеральный закон от 25 июля 2002 г. N 114-ФЗ "О противодействии экстремистской деятельности" [9] в ст. 1 не содержит определения соответствующего понятия. Вместе с тем, категория "экстремистская организация", выступающая родовой по отношению к категории "тоталитарная секта", имеет весьма абстрактное содержание. Так, п. 2 ч. 1 ст. 1 Федерального закона "О противодействии экстремистской деятельности" определяет экстремистскую организацию как "общественное или религиозное объединение... в отношении которого судом принято решение о ликвидации в связи с осуществлением экстремистской деятельности" [9]. Таким образом, в конструкции законодательной дефиниции налицо логическая ошибка: логическое определение содержит так называемый "круг", то есть отсылает к самому себе. Подобная юридико-техническая погрешность, безусловно, неоправданно расширяет сферу процессуально-процедурной дискреции суда, которая не может опираться на единство нормативно-правовых актов России в сфере определения религиозной деятельности как экстремистской, а религиозного объединения – как тоталитарного.

Вступивший в силу относительно недавно Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации [2] в ст. 262, регламентирующей основания для приостановления деятельности либо ликвидации религиозного объединения, содержит достаточно абстрактные критерии, которые не позволяют однозначно признать религиозное объединение тоталитарной сектой. Попытки восполнить соответствующий пробел в законодательстве неоднократно предпринимались в практике российских судов. Наибольший интерес в данном аспекте представляет апелляционное определение Верховного Суда России от 9 февраля 2017 г. по делу № 65-АПГ16-7 [1]. Как усматривается из материалов дела, прокурором Еврейской автономной области было подано заявление в суд субъекта Российской Федерации о запрете деятельности региональной религиозной организации "Свидетели Иеговы". Поводом к подаче заявления послужило обнаружение и изъятие сотрудниками надзорного ведомства у работников организации печатных изданий, внесенных в Федеральный список экстремистских материалов. Суд Еврейской автономной области, оценив собранные по делу доказательства, удовлетворил требования, содержащиеся в заявлении прокурора. Религиозная организация обжаловала данное решение в Верховный Суд России. В апелляционной жалобе отмечалось, что решение суда первой инстанции было принято с нарушением материально-правовых норм, поскольку признание изъятых материалов экстремистскими было осуществлено

на основании абстрактных критериев, а сам факт прекращения деятельности организации означает нарушение государством права на свободу совести и вероисповедания. Однако Верховный Суд не счел доводы заявителя убедительными. Высшая судебная инстанция России подчеркнула, что конклюдентные действия организации, продолжающей распространять печатные материалы, признанные заведомо для нее экстремистскими, уже сами по себе свидетельствуют о наличии у нее целей, подрывающих основы конституционного правопорядка. Кроме того Верховный Суд особо отметил, что право на свободу совести и вероисповедания является по своей природе индивидуальным, в связи с чем "участники данной организации не лишены возможности осуществления самостоятельного отправления религиозных культов, не связанного с распространением религиозной литературы экстремистского содержания" [1].

Правовая позиция, сформулированная Верховным Судом России в вышеприведенном судебном акте, свидетельствует о том, что о тоталитарном характере секты (религиозной организации) свидетельствуют следующие признаки: заведомо противоправная деятельность (к примеру, распространение материалов, признанных судом экстремистскими), а также неприятие личной, индивидуальной формы отправления культа, стремление обеспечить его массовую, коллективную форму.

В целом ряде современных религиоведческих исследований, посвящённых анализу нетрадиционных культов, нет их единой классификации 14, а наиболее популярным представляется принцип их типологизации с точки зрения тяготения к определённой религиозной традиции. Так, выделяют следующие группы нетрадиционных культов: неохристианские (объединяющие в себе элементы христианства и восточных вероучений), неоориенталистские (западные варианты восточных религий), оккультные (религиозные объединения, практикующие магию, спиритизм и пр.) и сциентологические (мистико-научные направления). Вместе с тем, из-за невнимательности к проблеме типологизации новых конфессий порой в одном ряду в учебной и специальной литературе оказываются опасные тоталитарные секты (такие, как Белое Братство, Аум Сенрикё) и неортодоксальные движения, такие, как, к примеру, бахаи. Предвзятое отношение к разграничению новых религиозных общин, неопасных для общества, и тоталитарных сект, является существенным недостатком уникального справочника по истории религии и современным вероисповеданиям, каковым является труд М. Малерба "Религии человечества" 13. Так, материалы о секте Свидетели Иеговы помещены М. Малербом не в раздел о сектах, к которым он причисляет Церковь Объединения, сайентологию, а в раздел о направлениях протестантизма, причём нельзя говорить о беспристрастности исследователя – материалы о деятельности Свидетелей Иеговы имеют агитационный характер.

О проблеме разграничения сект опасных и безопас-

ных для общества размышлял в цикле своих лекций А. Шипков, пришедший к выводу, что "далеко не всякая секта представляет собой жёстко дисциплинированную организацию фанатиков... часто секта мало отличается от любой другой религиозной общины... но следует выделить секты, вызывающие опасения у общественных и государственных органов" 15, с. 140. С точки зрения исследователя, ограничение деятельности тоталитарных сект на основании не универсального закона, а субъективного мнения экспертов, уязвимо для критики. Автор делает вывод о необходимости принятия особых законов, запрещающих на территории государства деятельность ряда сект.

Вместе с тем, проведённая во Франции еще в 1994 году дискуссия, в рамках которой обсуждались варианты введения в стране антисектантского законодательства, показала, что оно малоэффективно, так как чрезвычайно сложно обосновать с помощью законов факты манипуляции сознанием адептов тоталитарных сект. Кроме того, запрещённые секты научились обходить закон, регистрируясь в другом департаменте, под другим именем. Таким образом, во Франции было признано необходимым рассмотрение каждого конкретного случая специально созданными экспертными комиссиями.

Безусловный интерес представляет опыт США в данной сфере. Одним из наиболее резонансных дел, связанных с определением пределов свободы совести и вероисповедания, стало дело *Snyder v. Phelps* [16], решение по которому было постановлено Верховным Судом США в 2011 г. Обстоятельства дела заключались в следующем. Глава религиозной организации "Баптистская церковь Уэстборо", выступая на приуроченном к муниципальному празднику публичном мероприятии, призвал население вступать в соответствующую организацию и отказаться от исповедания католицизма под страхом божественной санкции. При этом речь главы церкви была столь экспрессивна, что повлекла за собой сердечные приступы у ряда граждан, а также возникновение у них иных проблем со здоровьем как соматического, так и психического характера. На этом основании прокурор штата посчитал, что тем самым глава церкви нарушил право граждан на свободу совести и вероисповедания, а также осуществил акт принуждения к исповеданию учения "Баптистской церкви Уэстборо". В связи с этим против главы церкви – г-на Фелпса – было возбуждено уголовное дело, которое впоследствии дошло до Верховного Суда США. Высшая судебная инстанция Соединенных Штатов, рассматривая дело, отметила вместе с тем, что соответствующие негативные последствия имели место лишь у некоторых из собравшихся, которые страдали хроническими заболеваниями. Прочие граждане, как показали свидетели, не восприняли серьезно речи г-на Фелпса. В связи с этим, решил Суд, между действиями обвиняемого и наступившими последствиями нет причинно-следственной связи, таким образом, нельзя говорить о том, что г-н Фелпс принуждал людей исповедовать учение его религиозной

организации. На этом основании Верховным Судом был постановлен по делу оправдательный приговор. Данный пример свидетельствует о том, что федеральное прецедентное право США не признает каких-либо общих критериев, позволяющих признать религиозную деятельность экстремистской, и исходит из необходимости признания ее таковой *ad hoc*.

По мнению экспертов координационного центра изучения новых религиозных движений и тоталитарных культов "Dialogue Centre International", считаться тоталитарными могут следующие религиозные объединения и группы, активно действующие в России: "Церковь Сайентологии", мормоны, "Семья", "Новоапостольская церковь", "Московская Церковь Христа", "Трансцендентальная медитация", "Свидетели Иеговы", "Церковь Объединения", "Нью-Эйдж", "Юнивер", "Сознание Кришны", "Аум Сенрикё", "Богородичный центр", "Белое Братство", "Община Единой Веры".

Опыт зарубежных экспертных комиссий, несомненно, имеет большую ценность для определения сути аналогичных организаций в России. Но в России есть свои особенности – филиалы одной и той же зарубежной секты в разных российских регионах часто разнятся как в содержательной части, так и в культовой деятельности и в методах воздействия на своих адептов.

Принимая во внимание, что свобода вероисповедания – условие мирного сосуществования представителей разных конфессий, следует настороженно относиться к тоталитарным сектам. О том, какую опасность они собой представляют, сейчас уже достоверно известно: подготовка массовых самоубийств, террористических актов, сексуальное насилие и оборот наркотических веществ и психотропных средств – неполный список преступлений, которые совершаются в сектах. Вместе с тем государство не всегда может эффективно обезвредить опасные секты на законодательном уровне, регламентируя соответствующую деятельность как преступную в рамках уголовного закона. Так, Уголовный кодекс России [8], конструируя в ч. 1 ст. 148 состав нарушения права на свободу совести и вероисповедания, в качестве составообразующего признака субъективной стороны определяет наличие специальной цели – оскорбление религиозных чувств верующих. Соответствующая цель, будучи, в силу ч. 1 ст. 73 Уголовно-процессуального кодекса России [7], одним из составных элементов предмета доказывания по уголовному делу, на практике доказывается затруднительно. В этой связи нельзя исключать возможные злоупотребления как со стороны обвиняемого, так и органов предварительного расследования, которые могут вынудить обвиняемого признать наличие у него соответствующей противоправной цели. Ярким примером этому выступает кассационное определение Верховного Суда России от 20 ноября 2012 г. по уголовному делу № 11-012-73 [6], в котором Суд, несмотря на наличие соответствующих доказательств, отклонил довод обвиняемого о том, что его принудили к даче признательных показаний.

ний для целей составления обвинительного заключения по преступлению, предусмотренному ст. 148 Уголовного кодекса России.

Немало крупных скандалов, связанных с деятельностью сект, привели к тому, что появились такие организации, как, например, Комитет по спасению молодежи от деструктивных культов, Центр реабилитации людей, попавших под влияние тоталитарных сект, которые оказывают помощь родственникам лиц, которые попали под сектантское влияние. Но сектанты сменили тактику – вместо открытой агитации ведут завуалированную пропаганду своих учений. Хамелеонские свойства большинства сект, так или иначе, позволяют им сохранить многих своих последователей.

Контроль над деятельностью сект – это лечение болезни, но кроме этого нужна профилактика духовного насилия. Самая верная защита от деструктивных культов – это знание, причём нужна не только проверенная информация о деятельности тоталитарных сект ("негативное

знание"), но и "альтернативное знание" – объективная информация о религиозных организациях. Отсутствие типологического разграничения тоталитарных сект и религиозных общин, не наносящих вреда обществу, приводит к тому, что это порождает негативное восприятие обществом религиозных направлений, которые не представляют собой общественной опасности, а с другой стороны – позволяет общественно опасным религиозным объединениям камуфлироваться под известные массовые конфессии. Это, в свою очередь, деструктивно влияет на духовно-культурную сферу общества, а также подрывает основы правопорядка и нравственности в государстве. Необходимо провести законодательное разграничение между неортодоксальными общинами и тоталитарными сектами, что позволит, с одной стороны, рассмотреть возможные пути защиты общества от агрессии тоталитарных сект, а с другой – создать в государстве условия формирования толерантной общественной позиции по отношению к неортодоксальным движениям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 9.02. № 65–АПГ16–7 // Официальный сайт компании "КонсультантПлюс" [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB;n=492430#0>
2. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. N 21–ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 9 марта 2015 г. N 10.
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года) // Российская газета. 25 декабря 1993 г. № 237.
4. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Рим, 4 ноября 1950 г.) (с изм. и доп. от 21 сентября 1970 г., 20 декабря 1971 г., 1 января 1990 г., 6 ноября 1990 г., 11 мая 1994 г.) // Бюллетень международных договоров. – март 2001 г. – №3.
5. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 5.12. 2012 г. N 30–П г. "По делу о проверке конституционности положений пункта 5 статьи 16 Федерального закона "О свободе совести и о религиозных объединениях" и пункта 5 статьи 19 Закона Республики Татарстан "О свободе совести и о религиозных объединениях" в связи с жалобой Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации" // Российская газета. 19 декабря 2012 г.
6. Решение Верховного суда: Определение N 11–012–73 от 20.11.2012 Судебная коллегия по уголовным делам, кассация // Кодексы и законы РФ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.zakonrf.info/suddoc/36041de588853876743ab35b23de2169/>
7. "Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации" от 18.12.2001 N 174–ФЗ (ред. от 17.04.2017 // Официальный сайт компании "КонсультантПлюс" [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/
8. "Уголовный кодекс Российской Федерации" от 13.06.1996 N 63–ФЗ (ред. от 17.04.2017) // Официальный сайт компании "КонсультантПлюс" [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/
9. Федеральный закон от 25.06.2002 N 114–ФЗ "О противодействии экстремистской деятельности" // Официальный сайт компании "КонсультантПлюс" [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37867/
10. Федеральный закон от 26.09.1997 N 125–ФЗ "О свободе совести и о религиозных объединениях" // Официальный сайт компании "КонсультантПлюс" [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16218/
11. Дворкин А.Л. Сектоведение. Тоталитарные секты. Опыт систематического исследования/А.Л. Дворкин. – Нижний Новгород: Изд-во А. Невского, 2006. – 815 с.
12. Иеринг Р. Борьба за право. Москва: Феникс, 1991. – 64 с.
13. Малерб М. Религии человечества. М.: Рудомино, 1997. – 598 с.
14. Миронов А.В., Бабинов Ю.А. Основы религиоведения (Эволюция религии в современном мире)/А.В. Миронов, Ю.А. Бабинов // Социально-гуманитарные знания. – 1999. – № 2. С. 81–101.
15. Ципков А. Во что верит Россия. Религиозные процессы в постперестроечной России. СПб., 1998. – 142 с.
16. Snyder v. Phelps, 562 U.S. 443 (2011) // SNYDER v. PHELPS et al. certiorari to the united states court of appeals for the fourth circuit No. 09–751. Argued October 6, 2010–Decided March 2, 2011. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/562/09–751/>